

— Ты многого не знаешь. Ты понимаешь, как важен ты для него? Он всегда считал тебя своим лучшим другом. В те дни, когда ты с ним не общался, он многое мне рассказывал. Говорил, что ты наверняка сожалеешь, сожалеешь, что тогда подружился с ним. Не общаешься с ним, потому что прозрел, понял разницу между вами. Разве отличник захочет дружить с двоечником? Поэтому в будущем ты точно не будешь с ним связываться, не будешь считать его другом, уже забыл его, стал относиться как к совершенно чужому человеку. И те слова, что говорил тогда, наверняка тоже забыл, больше не будешь давать ему смотреть [«Слэм-данк»] и [«Детектива Конана»]. — Шэнь Тин говорила, погружаясь в воспоминания. Она и сама не знала, зачем говорит Сюй Жуйцзе так много. Просто ей было жалко Чжао Ифэя. Она не знала, что на самом деле думает Сюй Жуйцзе, знала лишь, что для Чжао Ифэя он действительно очень важен. Настолько важен, что ей, как девушке, было даже завидно. Она действительно завидовала Сюй Жуйцзе.

Слушая её, Сюй Жуйцзе почувствовал, как слёзы наворачиваются на глаза. Он шмыгнул носом и сказал Шэнь Тин:

— Я действительно не знал, что Ифэй так ценит нашу дружбу. Раньше я всегда видел, как он ко всему относится холодно, думал, что это просто его характер, что он так относится ко всему и ко всем. Например, ко мне. В те дни, когда мы не общались, он тоже никогда ко мне не подходил. Я тоже думал, что он больше не считает меня другом. Мне тогда было так тяжело, это было просто пыткой.

Дойдя до этого места, Сюй Жуйцзе не знал, радоваться ему или огорчаться. Это означало, что Чжао Ифэй действительно считал его хорошим другом, что в сердце Чжао Ифэя для него ещё оставалось место.

— Вы оба, если не поговорите откровенно, лицом к лицу, никогда не узнаете, что на самом деле думает другой. — Шэнь Тин вдруг почувствовала, что совершила хороший поступок, вернув дружбу, висевшую на волоске над пропастью, готовую рухнуть в любую минуту.

— Что это за фраза, которую ты тогда не договорила? — У Сюй Жуйцзе была хорошая память, особенно на то, что его интересовало, он мог помнить очень долго.

— Ничего. Пойду проверю, не закончил ли Ифэй делать снимки.

С этими словами Шэнь Тин встала и направилась в больницу.

Сюй Жуйцзе бежал за ней, всё спрашивая о той фразе, но Шэнь Тин делала вид, что не слышит, и упорно молчала.

Когда они вернулись в ту же палату, то обнаружили, что на кровати в углу лежит Чжао Ифэй, с открытыми глазами. На тыльной стороне его руки была игла капельницы.

Первой вошла Шэнь Тин. Увидев, что Чжао Ифэй пришёл в себя, её озабоченное лицо наконец озарила улыбка.

Чжао Ифэй безразлично посмотрел на Шэнь Тин, в душе почему-то ощущая некую подавленность.

Сюй Жуйцзе подошёл к кровати, а Чжао Ифэй словно нарочно резко отвернулся, лишь бы не смотреть на него.

— Что сказал врач? — заговорил Сюй Жуйцзе. Похоже, это были первые слова, которые он

сказал Чжао Ифэю за два года.

В сердце Чжао Ифэя ёкнуло, и он глухо ответил:

— Он сказал, что кости не задеты, только поверхностные травмы. Но всё равно довольно серьёзно, нужно несколько дней побыть в больнице под наблюдением.

— Главное, что кости целы, — с облегчением сказала Шэнь Тин, стоя рядом.

Сюй Жуйцзе обошёл изголовье кровати и подошёл к Чжао Ифэю с другой стороны. Чжао Ифэй видел это, но больше не отворачивался.

В этот момент Сюй Жуйцзе медленно наклонился, а в конце и вовсе присел на корточки у кровати, внимательно разглядывая лицо Чжао Ифэя. Чжао Ифэю стоило лишь поднять взгляд, чтобы увидеть приблизившееся лицо Сюй Жуйцзе, который пристально и не отрываясь изучал его. Даже золотая оправа очков для близорукости не могла скрыть его глубоких и чарующих глаз-миндалин.

— На что смотришь? — Напряжённое выражение лица Чжао Ифэя в тот миг не выдержало, и на губах дрогнула улыбка. Сюй Жуйцзе смотрел на него с такой сосредоточенностью и серьёзностью, с таким выражением, словно рассматривал новорождённого младенца — с любопытством и нежностью.

— Смотрю, какая у тебя красивая улыбка... — Сюй Жуйцзе потянулся, чтобы коснуться его лица, но, заметив, что вокруг много людей, убрал уже наполовину протянутую руку.

Шэнь Тин, видя, как Чжао Ифэй улыбнулся, глядя на Сюй Жуйцзе, поняла, что отношения между ними наладились, и невольно тоже улыбнулась.

На следующее утро Шэнь Тин осталась в больнице ухаживать за Чжао Ифэем, а Сюй Жуйцзе поспешил домой. Он должен был вернуться домой и рассказать обо всём отцу Чжао Ифэя. В конце концов, больница — не благотворительная организация, просто так деньги тратить не станут. Самое главное — привести родителей Чжао Ифэя, чтобы они оплатили лечение.

Сюй Жуйцзе поймал такси и велел водителю ехать прямо к его дому. Конечно, поездка обошлась почти в двадцать с лишним юаней.

К счастью, каждую неделю ему давали около пятидесяти юаней на карманные расходы, а оставшиеся деньги он откладывал. К настоящему моменту у него уже накопилось больше ста юаней.

Он не пошёл сначала к родным Чжао Ифэя, а вернулся домой и закричал Ци Мэй:

— Мама! Случилась беда!

Ци Мэй как раз готовила на кухне, услышав голос сына, сразу же выбежала. Первой её реакцией было изменение выражения лица, она сердито спросила:

— Какой сегодня день? Если я не ошибаюсь, вторник? Ты не в школе, зачем прибежал домой?

Сюй Жуйцзе даже не стал объяснять, а продолжал кричать:

— Мама, Ифэй, чтобы спасти меня, был избит, сейчас лежит в больнице. Быстрее иди посмотреть на него! Заодно оплати часть лечения.

— Что? — Ци Мэй вроде бы всё поняла, но, услышав слова «оплати часть лечения», на её лице появилось нежелание. — А есть свидетели, что он тебя спас? Какое ещё лечение? Ребёнок, его родные даже не в курсе, чего ты тут кричишь.

— Врач сказал, что он довольно серьёзно пострадал, нужно лежать в больнице под наблюдением, и чтобы родители Чжао Ифэй пришли оплатить лечение. К тому же, Ифэй пострадал, спасая меня. Если бы он не подставился под удар, сейчас в больнице лежал бы я. По справедливости и по человеческим соображениям, наша семья должна хоть немного помочь с оплатой лечения.

Сюй Жуйцзе начал волноваться, ведь ему сначала нужно было уговорить мать, а потом бежать в дом Чжао Ифэй сообщить его родным.

— Какое там лечение? Есть свидетели, что он тебя спас? Серьёзно пострадал — лечение обойдётся недёшево. Ты, ребёнок, ничего не понимаешь. Разве больница не требует, чтобы родные Чжао Ифэй приехали? Тогда быстрее иди зови его отца, зачем прибежал домой за деньгами!

Обычно взрослые в такой ситуации не станут платить, полагаясь только на слова ребёнка. В конце концов, деньги в глазах детей могут ничего не стоить, но для взрослых это кровно заработанные тяжёлым трудом средства, это действительно непросто. Особенно в деревне, где к деньгам относятся очень бережно.

— Мама! Как ты можешь так! Ифэй пострадал, спасая меня, а теперь он в больнице, а ты не проявляешь ни малейшего участия, не хочешь платить за лечение, ты... ты так поступаешь, а ещё называешься матерью?

Сюй Жуйцзе, разгорячившись, выпалил всё, что пришло в голову, и был бесконечно разочарован таким отношением матери.

Увидев, как сын ради этого Чжао Ифэй говорит ей, своей матери, такие слова, Ци Мэй разозлилась так, что готова была схватить что попало и ударить Сюй Жуйцзе. Но в конце концов сдержалась:

— Ладно, я пойду с тобой в дом Чжао Ифэй, а потом с его отцом поеду в больницу навестить Чжао Ифэй и немного помогу с оплатой лечения. Теперь тебе хорошо?

Ци Мэй просто не могла понять: её сын раньше не был таким. Хотя, на самом деле, это даже неплохо, по крайней мере, он понимает, что нужно платить добром за добро, и это скорее радует.

— Да! Тогда пойдём сейчас же!

Обрадованный Сюй Жуйцзе выбежал со двора.

Ци Мэй взяла кошелек, переделалась в подходящую одежду и вышла. Увидев, что у ворот стоит один Сюй Жуйцзе, она заметила, что чего-то не хватает, и вдруг спохватилась, крикнув сыну:

— А где твой велосипед? Как ты вернулся?

Сюй Жуйцзе вдруг замер, его лицо мгновенно покраснело, словно он совершил проступок, и он начал запинаться:

— Я вернулся на такси. Велосипед... велосипед украли в больнице.

Пришлось солгать, он же не мог сказать, что забыл велосипед у ворот школы, и всё...

— Ты его не закрывал на замок?

Ци Мэй подумала, что в больнице бывают разные люди, украсть велосипед — дело обычное. Но она всё же немного поругала сына за невнимательность. В конце концов, велосипед стоил несколько сотен юаней, и вдруг он просто пропал, конечно, было жалко.

<http://bllate.org/book/15580/1387395>